

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-1-140-146

ЧЕРНЯВСКИЙ Александр Геннадьевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного
(государственного) и международного права
Военного университета имени князя
Александра Невского Министерства
обороны Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

НОРЕНКО Игорь Васильевич,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры теории и истории государства и права
Военного университета имени князя Александра
Невского Министерства обороны
Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА С ПОЗИЦИЙ И. КАНТА И Г. КОГЕНА

Аннотация. В данной статье авторы предпринимают попытку исследовать социально-политическую и правовую позицию И. Канта и позднее Г. Когена в их работах. Так же авторами проанализирована современная актуальность вывода, что в противоположность чисто реалистическому пониманию общества, в противоположность материальному хозяйственному союзу должны признаваться право и государство, как идеи. Так идея общества, должна рассматриваться как понятие, руководящее и нормирующее индивидуумов

Ключевые слова: философия права, правовое государство, социально-политическое представление, гражданский строй.

CHERNYAVSKY Alexander Gennadievich,
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Constitutional (State)
and International Law
at the Prince Alexander Nevsky Military University
Ministry of Defense of the Russian Federation.

NORENKO Igor V.,
PhD in Law, Associate Professor
of the Department of Theory and History of State and Law
Prince Alexander Military University
Nevsky of the Ministry of Defense
of the Russian Federation

THE FOUNDATIONS OF THE WELFARE STATE FROM THE POSITIONS OF I. KANT AND G. COHEN

Annotation. In this article, the authors attempt to explore the socio-political and legal position of I. Kant and later G. Cohen in their works. The authors also analyzed the current relevance of the conclusion that, in contrast to a purely realistic understanding of society, as opposed to a material economic union, law and the state should be recognized as ideas. Thus, the idea of society should be considered as a concept that guides and normalizes individuals.

Key words: philosophy of law, the rule of law, socio-political representation, civil order.

При изучении современных работ по философии права всегда задаешься вопросом, какой смысл закладывают сегодняшние писатели в те или иные термины, определения? Употребляя устоявшиеся исторически понятия, тот ли вкладывают смысл, который был заложен их первоначальными авторами. Конечно, здесь могут возразить, что историческое развитие предполагает и изменение понятий. На первый взгляд трудно возразить, но если посмотреть глубже? Те ли методы, под теми же или некоторым образом измененными понятиями имели ввиду отцы основатели философских школ? Прозаичен ли спор о «вещи в себе»? Понимает ли тот, кто декларирует методологию науки, в частности юридической, с позиции какого направления философии (системы философии) он движется к философии права? Опять можно возражать, что предшествовавшие учения не догма, тогда давайте смотреть: какие вопросы или проблемы науки вы ставите, пытаетесь обосновать то или иное направление в философии вообще и философии права в частности?

Мы придерживаемся мнения, что требование философствовать не вопреки научному знанию, а в теснейшем соприкосновении с ним, требование ясного сознания того, чего наука не может дать, однако и внимание к тому, что она уже дает, требование утверждать не только идеальные основы знания и мысли, но жизни и деятельности, требование творческих преобразований всегда несовершенной действительности на основе ее научного познания и согласно заложенным в ней идеальным основам – все это не стоит в противоречии с лучшими традициями ученого сообщества.

Так, к примеру политическая позиция Канта выяснена еще мало, а социально-политическая совсем не исследована. Поскольку это не сделано, его считали и большею частью и теперь еще считают представителем решительного либерализма, хотя и связанного с монархически консервативными убеждениями, например, Ибервег-Гейнце [1]. Согласно этому в этическом отношении он является основателем чисто индивидуальной, этики. И в самом деле если мы бросим беглый взгляд, например, на его главную, политическую работу, «Учение о праве» [2], он представится нам защитником чистого „правового государства“. Влияние каждого человека определяется его временем. Естественно, что политическая философия Канта была направлена главным образом против самодержавного полицейского государства и сословного общественного строя 18 столетия и что поэтому центральными понятиями ее были свобода и право. В этом выражается его родство с громадным политическим переворотом

его эпохи, который он, как известно, приветствовал с нескрываемой симпатией, точно так же, как основание североамериканских свободных штатов. Но для социальной философии в современном смысле слова в то время не было еще никаких данных: не было машинного производства, колоссального развития капиталистической системы, возникновения класса свободных наемных рабочих и т. д. Между тем, как показал уже Август Онкен в своей книге об „Адаме Смите и Иммануиле Канте“ (1877), Кант вовсе не был чистокровным индивидуалистом или манчестерцем; он всегда был сильно проникнут государственной идеей. Но не в этом следует искать непосредственного опорного пункта для социализма, а в основах кантовской этики.

Этика Канта, несмотря на ее кажущуюся индивидуалистическую оболочку, есть в конце концов преимущественно общественная этика. Но ничем другим является и социализм в этическом смысле. В другом месте, в своей диссертации, появившейся в 1893 г., К. Форлендер показал, что самой богатой, неисчерпаемой и плодотворной является та особенность кантовского нравственного закона, который обыкновенно подвергается осуждению, именно его формальный характер. Именно в том, что он хочет быть только формальным принципом всеобщего законодательства, заключается его общественно-творческая сила. Своей идеей „систематического объединения различных разумных существ путем общественных законов“ он создает идею царства нравов или царства целей. Конечно, это царство – „только идеал“ [3], но такой идеал, который может осуществляться путем нашей деятельности и конституироваться через идею человечества. Из этой последней непосредственно выводится та формулировка категорического императива, обыкновенно недостаточно отмечаемая на ряду с другими формулировками, которую мы находим на третьем месте. „Основания метафизики нравов“: поступай так, чтобы человечество рассматривалось как в твоём лице, так и в лице каждого другого, всегда как цель, а не только как средство. „Всякое разумное существо“, даже самый жалкий чернорабочий, „существует как цель сама в себе“. Это не машина, не „средство для произвольного пользования той или другой волей“; это не „вещь“, а „лицо“, в котором человечество для нас должно быть святым. Этот принцип, рассматривающий человечество как самоцель, должен быть высшим условием, ограничивающим свободу и деятельность каждого человека [4]. Можно ли проще выразить и яснее провозгласить основную мысль социализма, идею общности?

Как серьезно Кант относился к осуществлению этой идеи, видно из той настойчивости, с

какой он четырем годами раньше в одном важном месте своего главного труда защищает величайшую концепцию античного социализма, Республику Платона, против тех, которые усматривали в ней лишь фантастические бредни праздного мыслителя. Рассуждения нашего философа так характерны для его социально-политического образа мыслей, они так знаменательны и теперь еще по отношению к „реально-политическому“ мудрствованию, способному видеть только „котовыми глазами“ так называемого опыта, что мы не можем не привести сущность их дословно. Вместо того, чтобы издаваться над идеями Платона, говорит Кант, было бы лучше его подробнее изучить и (там, где этот превосходный человек нас оставляет без помощи), попытаться пролить новый свет на него, чем устранить его под жалким и вредным предлогом его непригодности. Государственное устройство, осуществляющее полнейшую человеческую свободу путем законов, в котором свобода каждого человека сосуществует со свободой всех других (мы не говорим о наибольшем счастье, которое последует само собою) – такое устройство является по крайней мере необходимой идеей, которую следует класть в основу не только при первом начертании государственного строя, но и во всех законах. При этом сначала надо отвлечься от существующих в данный момент затруднений, вытекающих, может быть, не столько из человеческой природы, сколько из пренебрежения к истинным идеям законодательства. Нельзя выдумать ничего более вредного и более недостойного философа, чем грубая ссылка на мнимый неудачный опыт, которого не было бы вовсе, если бы государственные учреждения были устроены вовремя по указанным идеям и, если вместо них грубые понятия, почерпнутые из опыта, не расстраивали бы всякое доброе намерение.

Спустя три года (1784) в своей статье „Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане [5]“ Кант называет величайшей проблемой, высшей задачей и последней целью „человеческого рода“ – достижение совершенно справедливого гражданского строя, т.е. общества, в котором свобода каждого члена ограничивается лишь настолько, насколько это необходимо для согласования ее со свободой всех других членов общества, в котором только все природные способности человечества смогут развиваться согласно их назначению, где одни не будут пользоваться преимуществами, благодаря которым другие должны тем большего лишиться. Эта проблема при том самая трудная и человечество разрешит ее позже всего. Из такого кривого дерева, из какого сделан человек, нельзя смастерить ничего совершенно прямого [5]. В качестве необходимых предпосы-

лок для „возложенного на нас природой“ приближения к этому идеалу служат: 1) правильные понятия о природе возможного строя; 2) большая, полученная из многих мировых движений опытность, и сверх всего этого 3) „добрая воля, подготовленная к восприятию этого строя“. „Три вещи“, о которых мы вслед за Кантом думаем, что им очень трудно появиться вместе. Если это и произойдет, то очень поздно, после многочисленных неудачных опытов[5]. И все-таки ему кажется, что „точно какое-то чувство начинает пробуждаться во всех членах, каждому из которых важно сохранение целого [5]. А это дает надежду – и кто из нас решится прямо осуждать утешительную веру в будущее Канта-философа? – что после нескольких революционных переворотов осуществится то, что для природы является высшею целью – общее состояние всемирного гражданства, как оно, в котором будут развиваться все первоначальные способности человеческого рода.

Этих основных политических убеждений Кант не отрицает и в своих позднейших этических и государственно-философских сочинениях. Он всегда возвращается к своему вышеуказанному правовому и государственному идеалу. Сравните особенно его рассуждение о согласовании теории и практики, его работы „К вечному миру“, „Спор факультетов“, „Учение о праве“ и различные места из „Отдельные листы из наследия Канта“, собранные Р. Рейке.

Из „Критики способности суждения“ мы приведем только одно значительное место, касающееся значения понятия организации в политической области. Через год после начала французской революции Кант писал, что так при недавно предпринятом коренном преобразовании большого народа в государство очень удачно пользовались словом организация для обозначения устройства магистратур и т. д. и даже всего государственного организма. Ведь в таком целом каждый член должен, конечно, быть не только средством, но вместе с тем и целью. Он содействует возможности целого, а его место и функции в свою очередь должны определяться идеей целого.

Об утопиях имеется интересное и, насколько нам известно, нигде еще не отмеченное место в „Споре философского факультета с юридическим“ („Спор факультетов“). По существу, Кант здесь остается на точке зрения 1781 г., говоря, что Атлантика Платона, утопия Мора, Океана, Гаррингтона и Северамбия Аллэ постепенно появились на сцену, но с ними никогда еще не были произведены опыты. Надежда на осуществление такого государственного строя, как бы поздно это ни происходило, есть сладкая мечта, но приближаться к нему не только мыслимо, а это – долг, поскольку такой строй может сосуществовать с

законами морали. Правда, Кант делает к этому добавление, которое теперь встретит во всяком случае сильную оппозицию, именно, что это долг „не граждан, а главы государства“. В том же самом сочинении Кант выражает желание, чтобы просветительный голос „свободных учителей права, т.е. философов“ почтительно взывал бы к государству, а не обращался бы доверчиво к народу, который обращает мало внимания на их труды или совсем их не замечает.

С другой стороны, кажется, что имеешь дело с современным социологом, когда читаешь требование Канта, чтобы государство само время от времени преобразовывалось, чтобы оно вместо революции попыталось вступить на путь эволюции“, чтобы оно постоянно приближалось к лучшему, именно к „республиканскому строю“, причем важна не столько государственная форма (которая может остаться и монархической) сколько способ управления - „по общим принципам права“. Или, когда он говорит, что „природа вещей заставляет идти по пути, по которому неохотно идут: *fata volentem ducunt, nolentem trahunt*“ (конец статьи о согласовании теории и практики). Он не любит также „заштопывания государства“, к которому привыкли все те, кто называет себя „практиками“. Эти политики всегда говорят, что нужно брать людей такими, каковы они есть, а не такими, какими они должны были бы быть по мнению не знающих мира педантов или добродушных мечтателей. А между тем они сами несправедливым гнетом и изменческими советами, даваемыми правительству, сделали людей такими, какими они теперь являются - „строптивыми и склонными к восстанию“. Народ требует от правительства не благотворительности, а своего права, так как для одаренных свободой существ недостаточно пользоваться благами жизни: для них важен принцип, по которому они добывают эти блага. Правосознание народа доставило революционный войскам Франции победу над их врагами, ибо истинный энтузиазм всегда основывается только на идеальном и чисто моральном, каковым является понятие права. На своекорыстии его нельзя привить.

В связи с этим мы позволили себе указать на интересное место, не относящееся прямо к нашему вопросу, но бросающее яркий свет на либеральные убеждения философа в политических, социальных и религиозных вопросах. Место это находится в сочинении, в котором с первого взгляда трудно его подозревать и, может быть, поэтому оно еще не отмечено должным образом. Так Кант пишет, что он сознается в том, что не может примириться с одним выражением, часто употребляемым умными людьми, именно что какой-нибудь народ, вырабатывающий законную свободу, еще не созрел для свободы. Крепостные

помещики еще не созрели для свободы, а люди вообще не созрели для свободы совести. Но при таком предположении свобода никогда не наступит. Нельзя созреть для свободы, не обладая предварительно ею. Нужно быть свободным, чтобы на свободе целесообразно пользоваться своими силами. Первые попытки, конечно, будут грубы и неуклюжи; они будут сопровождаться более тягостным и опасным состоянием, чем, когда народ слушался чужих приказов или находился под чужим попечением. Но для разумной деятельности можно созреть не иначе, как собственным опытом, а чтобы производить его, надо быть свободным. И далее, что он не имеет ничего против того, что власть имущие, в силу условий времени, откладывают на далекое, очень далекое время освобождение народа от трояких уз, - *подразумеваются узлы политические, экономические и религиозные (примечание автора)*. Но установить принцип, по которому для закованных в эти узлы свободы вообще не годится считать себя в праве всегда удалять народ от нее - это нарушение прав божества, создавшего человека для свободы. При помощи такого принципа, конечно, удобнее управлять государством, домом, церковью. Но справедливо ли это? - задается вопросом Кант.

Наконец и его „Учение о праве“ вовсе не так индивидуалистично и либерально, как обыкновенно думают. Право представляется им, как и возможность общего взаимного принуждения, согласованного путем всеобщих законов со свободой каждого[8]. «Антропология» Канта[7] (изд. 1800 г.) имеет в виду воспитание человечества для „гражданского строя, основанного согласно принципу свободы и вместе с тем принципу закономерного принуждения“. Современный социализм мог бы найти точку опоры и в проблеме первоначального земельного коммунизма, которым Кант много занимался, не как фактом, а как идеей. Интересны также частые намеки в «Отдельные листы из наследия Канта». Кант говорит в учении о праве: „Владение всех людей землею, предшествующее всем правовым актам, (конституированное самой природой), является первоначальным общим владением (*communio possessionis originaria*), понятие которого не выводится эмпирически и не зависит от условий времени, как например вымышленное и никогда не доказанное понятие первобытной общей собственности (*communio primaeva*). Это есть практическое понятие разума, заключающее в себе априорный принцип, по которому только люди могут закономерно пользоваться своим местом на земле“.

Однако, дело не в сходстве таких частных вопросов. Само по себе это сходство ничего не доказывает, так как политический идеал Канта,

как указано уже выше, определяется идеей свободы. Истинная действительная связь социализма с критическим идеализмом основывается на „чисто моральном“, на выводах, - которые Кант сам на практике не всегда делал - из простых и возвышенных формул категорического императива, ушащих нас всегда рассматривать человечество в лице каждого человека, как самоцель, и никогда не пользоваться им только как средством. На этом фундаменте должен стоять социализм, если он вообще нуждается в этическом обосновании. И с этой стороны, т.е. со стороны этического обоснования кёнигсбергского мудреца можно считать „истинным и действительным основателем немецкого социализма“, как его смело называет Герман Коген, конечно, только в вышеуказанном, а не в узко историческом смысле.

Но почему же Кант исторически не сыграл этой роли? Почему самый философский ум между немецкими социалистами Лассаль - вместо Канта считает Фихте основателем социализма? Прежде всего потому, что Кант, не применяя систематически своих важных социально-этических основных принципов к практической области социального хозяйства, а Фихте, но крайней мере пытался это сделать в своем «Закрытом торговом государстве». Да, кажется даже, что Кант в своем главном политическом труде, „Учение о праве“ в политико-экономической области не вполне сохраняет принципиальную этическую точку зрения, предписываемую категорическим императивом. Он требует самой полной политической свободы, равенства и самостоятельности для всех граждан государства, но подмастерьев, служащих какому-нибудь купцу или ремесленнику, частную прислугу, чернорабочих, оброчных крестьян и „все бабье“, словом всех получающих содержание и защиту от других, он не считает гражданами государства, а только сожителями. Но все же, как люди, они должны пользоваться такой же свободой и правовым равенством, как все граждане. Без этого ни один народ не может считаться государством. При этом не должно им ставить никаких препятствий, когда они стремятся перейти из „пассивного“ положения простых сожителей в „активное“ положение граждан государства. Кант не имел еще в виду всех выводов из его категорического императива, которые делаются современными социалистами, именно - что для всех должна быть осуществлена не только идейно, но и в действительности экономическая самостоятельность, т.е. свобода от экономического подчинения, являющаяся не обходимой предпосылкой политической самостоятельности. И справедливый критик допустит, что это вряд ли было возможно при экономических и культурных условиях его времени. Ведь

законодатели великой французской революции не пошли дальше нашего философа; они опередили его, как показал Ж. Жорес (сравни далее стр....), в различении активных и пассивных граждан. Но тут мы имеем дело со вторым историческим препятствием, ограничивающим его социализм, препятствием, которое мы охарактеризовали выше.

Развитие социализма происходило при совершенно других философских условиях. Когда через несколько десятилетий после Канта наступили крупные экономические и технические перевороты, повлекшее за собой социальное движение второй половины 19-го и начала 20-го столетия, Германия в философском отношении находилась под знаком Гегеля, потом Фейербаха и материалистов. У них передовые борцы современного пролетариата получили свое философское образование. Канта причисляли уже к забытым философам. Таким образом социализм, по крайней мере политический, партийный социализм, вырос под знаменем материализма, хотя последний находится в резком противоречии с его идеями и имеет некоторое значение только как противовес плоской риторике догматического псевдо-идеализма.

Даже Фридрих Альберт Ланге, имеющей громадные заслуги при преодолении материализма не только в области гносеологии, но и этики считал „всю практическую философию“ Канта, несмотря на ее сильное влияние на современников, „изменчивой и преходящей частью его философии“. Он первый кантианец, или вернее - первый проникнутый критическим идеализмом философ нового времени, который мыслил социалистически. Но связь между его „кантианством“ и его „социализмом“ вовсе не систематическая. Она заключалась скорее в его благородной личности, проникнутой чистейшим этическим идеализмом. „Рабочий вопрос“ его не опирается на критицизм для обоснования социально-этических взглядов. Напротив, он полемизирует против кантовского понятия права и его обоснования права собственности, превращающегося в чистую *petitio principii*, если проследить его до обоснования индивидуального права собственности“.

Первым кантианцем, открыто указавшим на важное значение кантовской этики для обоснования социализма, является глава современных неокантианцев, Герман Коген в Марбурге. Уже его книга „Kant's Begründung der Ethik“ – «Кантовское обоснование этики», приходит к заключению, что высшее благо Канта, как указано уже Шлейермахером, носит в сущности политический характер. Современный Иов не спрашивает уже, получает ли человек вообще больше солнечного света, чем дождя. Он спрашивает, не страдает ли один чело-

век больше другого и нельзя ли в распределении счастья установить такую зависимость, что излишек счастья, выпадающий на долю одного члена царства нравов, логически обуславливает недостаток счастья для другого члена. Но это высшее благо не нужно еще особенно „постулировать“, как это сделано Кантом; оно уже дано в идее царства целей, как регулирующего принципа, в идее, которая не может быть поколеблена никакими фактами так называемого опыта. Идея эта существует для того, чтобы регулировать „пользование опытом“, причинную обусловленность которого она вовсе не желает опровергнуть, и чтобы преобразовать человека, согласно идее человечества“. В этом заключается объективная, практическая реальность нравственного закона. Таким образом оказывается пригодной этика Канта, отказывающаяся в своем обосновании от антропологической учености, но обоснованная, как антропономия.

В биографическом предисловии (1881) к „Истории материализма“ Ф. А. Ланге, Коген вкратце указывает на одновременную связь его с Кантом и социализмом. Ланге стоит на точке зрения, противоположной Штраусу и Ибервегу, из которых первый ненавидел социализм, а второй игнорировал его. Но Ланге подошел к живому и честному корню этического вопроса, и главным образом это делает его апостолом кантовского мировоззрения.

Яснее всего Коген высказывается по нашему вопросу в своем „Введении с критическим дополнением“ к пятому изданию того же труда (1896). Мы рассмотрели уже в первом томе „Kantstudien“ это дополнение, значение которого, к сожалению, еще не оценено должным образом. Здесь мы остановимся более подробно и в другой связи только на мыслях, касающихся нашего вопроса. Коген решительно выступает против предрассудка натуралистического обоснования социализма, против которого не устоял и Ланге в свое зараженное дарвинизмом время. Он говорит коротко и ясно, что социализм прав, поскольку он основывается на этическом идеализме. Этический идеализм служит ему основанием. Таким образом Кант есть истинный и действительный основатель немецкого социализма [14]. Далее он выводит основные идеи социализма из категорического императива Канта, как это мы выше показали, и заключает кратким историческим обзором развития идеи *societas humana*, защищаемой уже стоиками и представителями естественного права в 17 и 18 столетиях. Конечно, порукой за идеал может служить не «природа» Руссо и не понятие общества, как простой суммы индивидуумов, а идея общества, как понятие, руководящее и нормирующее индивидуумов [10].

Коген думает, что за два с половиною десятилетия, истекших после смерти Ланге, наблюдается „колоссальный успех“ в смысле признания общественным сознанием экономически - юридического права социализма. Теперь невежество уже не восстаёт более против „здорового зерна“ социального вопроса; это делает только злая или недостаточно добрая воля. Только враждебный идеализму эгоизм, этот истинный материализм не уверовал еще в эту „истину общественного сознания“, являющуюся всем известной тайной. Только он еще ссылается на писанный закон, или даже на закон, «который поспешно переписывается в духе его интересов»; только он опирается еще на утверждённые документами привилегии [9].

Хотя марбургский философ вполне признает идею социализма, но к современному ему политическому социализму он предъявляет различные очень важные требования:

1) Нужно не только временно стряхнуть, но совершенно устранить материализм, как основание социализма.

2) Как этика, так и социализм не должны устранить идеи Бога, как венца своего строения. (Впрочем, у Когена эта идея ничто иное, как вера в могущество добра и надежда на торжество справедливости).

3) В противоположность чисто реалистическому пониманию общества, в противоположность материальному хозяйственному союзу должны признаваться право и государство, как идеи. Как свобода не может существовать без закона, точно также без законной общности не может существовать ни свободная личность, ни действительная община моральных существ. С признанием существующего правового и государственного строя, по необходимости страдающего недостатками, может соединяться глубочайшее понимание его изъянов и самое искреннее желание их радикального излечения. Соединение обоих этих условий исконно служило порукой „великого, действительно революционного переворота“, т.е. постоянного исторического прогресса.

4) С идеей человечества, наконец, следует связывать идею народа (национальности). Первую из них, которую мы почитаем и уважаем, мы должны воплотить во вторую, которую мы любим. Идея народа, как ей учил, например, Фихте, защищает идею человечества против привилегированных сословий в собственном народе [15]. Нация, имеющая различные школы для бедных и богатых, может приближаться к национальности, но она еще не народ [11]. Таким образом идея общества создает действительное единство народа на почве духовной культуры. Содействовать осуществлению идеи народа в этом смысле - вот сущность задач идеализма [16].

Список литературы:

- [1] Ф.Ибервег, История новой философии в сжатом очерке / Ибервег-Гейнце; Пер. с 8-го нем. изд. Я. Колубовский. Вып. 2 / 2 т., Санкт-Петербург, тип. П.Ф. Вошинской, 1898-1899, Т. 1.
- [2] I. Kant, Metaphysik der Sitten, Herausgegeben und erläutert von J. H. v. Kirchmann, Berlin, L. Heimann, 1870; I. Kant, Rechtslehre; Schriften zur Rechtsphilosophie, Hrsg. u. mit einem Anhang versehen von Hermann Klenner, Berlin, Akad.-Verl., 1988.
- [3] August Oncken, Adam Smith und Immanuel Kant. Der Einklang und das Wechselverhältniss ihrer Lehren über Sitte, Staat und Wirthschaft dargelegt von August Oncken. 1. Abth. Ethik und Politik, Leipzig: Duncker und Humblot, 1877.
- [4] I. Kant, Grundlegung der Metaphysik der Sitten / Immanuel Kant's ; unter Mitwirkung namhafter Gelehrten herausgegeben, beziehungsweise übersetzt, erläutert und mit Lebensbeschreibungen versehen von J.H. von Kirchmann, Berlin, L. Heimann, 1870,
- [5] I. Kant, Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht, Berlin, Kirchmann, 1784.
- [6] I. Kant, Zum ewigen Frieden, Königsberg, Nicolovius, 1795.
- [7] I. Kant, Der Streit der Facultäten, Leipzig, Philipp Reclam jun., 1880.
- [8] I. Kant, Rechtslehre; Schriften zur Rechtsphilosophie, Hrsg. u. mit einem Anhang versehen von Hermann Klenner, Berlin, Akad.-Verl., 1988.
- [9] I. Kant, Lose Blätter aus Kants Nachlass, mitgetheilt von Rudolf Reicke, Königsberg, F. Beyer, 1889.
- [10] I. Kant, Kritik der Urteilkraft, Berlin und Libau (Lagarde und Friedrich), 1799.
- [11] И. Кант, Критика способности суждения, Пер. Н.М. Соколова, Санкт-Петербург, М.В. Попов, 1898.
- [12] I. Kant, Die Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft, unter Mitwirkung J. H. v. Kirchmann, Leipzig, L. Heimann, 1875.
- [13] И. Кант, Религия в пределах только разума, Пер. с нем. [и предисл.] Н.М. Соколова, Санкт-Петербург, В.И. Яковенко, 1908.
- [14] I. Kant, Anthropologie in pragmatischer Hinsicht, Königsberg, Bey Friedrich Nicolovius, 1800.
- [15] F.A. Lange, Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart, besorgt und mit biographischen vorwort von H. Cohen, Iserlohn; Leipzig.: J. Baedeker, 1887.
- [16] H.Cohen, Kant's Begründung der Ethik, Berlin, F. Dümmler, 1877.

Spisok literatury:

- [1] F.Iberveg, Istoriya novoj filosofii v szhatom ocherke / Iberveg-Gejnse; Per. s 8-go nem. izd. YA. Kolubovskij. Vyp. 2 / 2 t., Sankt-Peterburg, tip. P.F. Voshchinskoy, 1898-1899, T. 1.
- [2] I. Kant, Metaphysik der Sitten, Herausgegeben und erläutert von J. H. v. Kirchmann, Berlin, L. Heimann, 1870; I. Kant, Rechtslehre; Schriften zur Rechtsphilosophie, Hrsg. u. mit einem Anhang versehen von Hermann Klenner, Berlin, Akad.-Verl., 1988.
- [3] August Oncken, Adam Smith und Immanuel Kant. Der Einklang und das Wechselverhältniss ihrer Lehren über Sitte, Staat und Wirthschaft dargelegt von August Oncken. 1. Abth. Ethik und Politik, Leipzig: Duncker und Humblot, 1877.
- [4] I. Kant, Grundlegung der Metaphysik der Sitten / Immanuel Kant's ; unter Mitwirkung namhafter Gelehrten herausgegeben, beziehungsweise übersetzt, erläutert und mit Lebensbeschreibungen versehen von J.H. von Kirchmann, Berlin, L. Heimann, 1870,
- [5] I. Kant, Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht, Berlin, Kirchmann, 1784.
- [6] I. Kant, Zum ewigen Frieden, Königsberg, Nicolovius, 1795.
- [7] I. Kant, Der Streit der Facultäten, Leipzig, Philipp Reclam jun., 1880.
- [8] I. Kant, Rechtslehre; Schriften zur Rechtsphilosophie, Hrsg. u. mit einem Anhang versehen von Hermann Klenner, Berlin, Akad.-Verl., 1988.
- [9] I. Kant, Lose Blätter aus Kants Nachlass, mitgetheilt von Rudolf Reicke, Königsberg, F. Beyer, 1889.
- [10] I. Kant, Kritik der Urteilkraft, Berlin und Libau (Lagarde und Friedrich), 1799.
- [11] I. Kant, Kritika sposobnosti suzhdeniya, Per. N.M. Sokolova, Sankt-Peterburg, M.V. Popov, 1898.
- [12] I. Kant, Die Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft, unter Mitwirkung J. H. v. Kirchmann, Leipzig, L. Heimann, 1875.
- [13] I. Kant, Religiya v predelah tol'ko razuma, Per. s nem. [i predisl.] N.M. Sokolova, Sankt-Peterburg, V.I. YAkovenko, 1908.
- [14] I. Kant, Anthropologie in pragmatischer Hinsicht, Königsberg, Bey Friedrich Nicolovius, 1800.
- [15] F.A. Lange, Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart, besorgt und mit biographischen vorwort von H. Cohen, Iserlohn; Leipzig.: J. Baedeker, 1887.
- [16] H.Cohen, Kant's Begründung der Ethik, Berlin, F. Dümmler, 1877.

